

What Role do Soviet Nationalities Play in Regulating the Marital Behavior in Dagestan?

Evgeny A. Varshaver¹, Nataliya S. Ivanova² (a), Julia V. Gupalova³ (a) & Svetlana V. Kuznetsova (b)

(a) Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russia

(b) National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia.

Email: svkuznetsova@hse.ru ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4321-8581>

Received: 25 December 2023 | Revised: 18 March 2024 | Accepted: 28 March 2024

Abstract

The article presents the findings of a study dedicated to the norms of matrimony in contemporary Dagestan and the role of ethnic classification by Soviet nationalities within it. Through the research, 133 in-depth interviews were conducted across different regions of the republic, focusing on marital norms and actual behaviors. It was demonstrated that matrimonial norms are changing, with a predominant shift from the notion that one should marry within her/his village – to various types of universalism, which allow for the possibility of creating a family with a Muslim individual or anyone regardless of categorical membership. Soviet nationalities are relatively rarely mentioned as a factor in choosing a marital partner. When they are, the necessity of marrying within the same nationality is justified with the same arguments used to explain the logic of prioritizing marriages within one's village. This suggests that nationalities act as a modern form of particularism, which, however, is not (and possibly never fully was) a significant regulator of marital relations. These conclusions are discussed in the context of the hypothesis regarding the irrelevance of nationalities in Dagestan as a classificatory framework and are analyzed through the prism of literature dedicated to marital universalization in a global context.

Keywords

Nationalities; Ethnicity; Dagestan; Marriage; Marital Attitudes; Marital Behavior; Classifications; Constructivism; Avars; Darghins; Kumyks

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

- 1 Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia. Email: varshavere@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>
- 2 Email: nataliya.ivanova.0709@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1140-2334>
- 3 Email: jgupalova@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0909-0046>

Какую роль играют национальности в регуляции брачного поведения в Дагестане?

Варшавер Евгений Александрович¹, Иванова Наталья Сергеевна² (а),
 Гупалова Юлия Викторовна³ (а) & Кузнецова Светлана Васильевна (b)

(а) Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, Россия

(b) Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, Россия. Email: svkuznetsova@hse.ru ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4321-8581>

Рукопись получена: 25 декабря 2023 | Пересмотрена: 18 марта 2024 | Принята: 28 марта 2024

Аннотация

В статье приводятся результаты исследования, посвященного брачной нормативности в современном Дагестане и роли в ней классификации по национальностям. В ходе исследования в разных частях республики было собрано 133 глубинных интервью, посвященных в том числе брачным установкам и брачному поведению. Было показано, что брачная нормативность меняется, и переход осуществляется в основном от представления, согласно которому жениться нужно на односельчанах, к различным типам универсализма, предполагающим возможность создать семью с мусульманином/мусульманкой или любым человеком вне зависимости от категориальной принадлежности. Национальности при этом относительно редко упоминаются как фактор, на который ориентируются при выборе брачного партнера, а если это происходит, необходимость жениться на представителях той же национальности обосновывается теми же аргументами, которые приводятся для объяснения логики приоритизации браков между односельчанами. Это позволяет сделать вывод, согласно которому национальности – это современный вариант партикуляризма, который, однако, не является (и, возможно, никогда в полной мере не являлся) значимым регулятором брачных отношений. Эти выводы обсуждаются в контексте гипотезы об иррелевантизации национальностей в Дагестане как классификационной рамки, а также анализируются через призму литературы, посвященной брачной универсализации в глобальном контексте.

Ключевые слова

национальности; этничность; Дагестан; браки; брачные установки; брачное поведение; классификации; конструктивизм; аварцы; даргинцы; кумыки

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

- 1 Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, Россия. Email: varshavere@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>
- 2 Email: nataliya.ivanova.0709@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1140-2334>
- 3 Email: jgupalova@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0909-0046>

Введение

Какую роль играют национальности в регуляции брачного поведения в Дагестане? С одной стороны, ответ как будто бы очевиден – все меньшую. Об этом свидетельствуют исследования (Шахбанова, 2008), экспертные тезисы (Керимов, 2018) и высказывания простых дагестанцев (Олоблин, 2022). Однако была ли эта роль сколько-нибудь значима когда-либо? Современные конструктивистские концептуализации этничности (Brubaker, 2006; Hale, 2004; Wimmer, 2013; Jenkins, 2008; Fenton, 2010; Chandra et al., 2012; Варшавер, 2022a) как организации различий, базирующейся на социальных категориях и классификациях, довольно точное представление о том, как и для чего вводились классификации по национальностям в Советском Союзе (Слезкин, 2001; Хирш, 2022), а также свидетельства о социальной организации досоветского и советского дагестанского общества, где сельская жизнь во многом регулировалась классификациями по джамаатам и тухумам (Гаджиева, 1985b; Магомедова и др., 2021; Хашаев, 2007), позволяют предположить, что реальные брачные установки и практики дагестанцев классификацией по национальностям регулировались в относительно небольшой степени. Основной же установкой, которой придерживались дагестанцы на протяжении XX века, была установка «жениться на односельчанах», и именно эта установка постепенно размывается. А поскольку односельчане в абсолютном большинстве случаев относились к одной и той же национальности, и способ интерпретировать реальность через призму национальностей в СССР и в Дагестане прижился, эти изменения интерпретируются и учеными, и простыми дагестанцами как снижение доли браков «внутри» национальности и, соответственно, увеличение доли межнациональных браков.

Применительно к дагестанскому контексту – существуют исследования, в которых в фокусе оказывается важность тех или иных этнических классификаторных рядов (по национальностям и религиям, но зачастую не по селам) в брачных установках (Верещагина & Шахбанова, 2013). Есть и другие исследования – которые фокусируются на фактическом брачном поведении в преломлении национальностей (в основном такие исследования делаются на статистических данных) (Гаджиева, 1985a). Исследований же, авторы которых пытались разобраться одновременно с тем, какие социальные категории на самом деле структурируют брачное поведение дагестанцев, с тем, какую роль играют национальности в действительности, а также с тем, как ситуация меняется – обнаружить не удалось. В этой статье приводятся результаты анализа 133 глубинных интервью, собранных в Дагестане летом 2022 года. Эти интервью были посвящены разным темам, и в том числе брачному поведению и брачным установкам; при этом вопросы задавались таким образом, чтобы информанты могли эксплицировать свою логику выбора брачного партнера, без навязывания тех или иных классификаторных рамок. Анализ был

осуществлен с использованием смешанных методов, в рамках чего сначала был осуществлен качественный анализ материала, затем интервью были квантифицированы и были выявлены определенные статистические закономерности. В разделе «результаты» описывается фактическая брачная нормативность Дагестана, выявляется роль национальностей в ее структурировании, а также делается предположение о том, как эта роль менялась со временем. В разделе «дискуссия» эти результаты помещаются в более широкий контекст исследований этничности и показывается, как изучение изменений брачной нормативности в Дагестане позволяет ответить на вопрос о том, как и почему меняются конструкции этничности в принципе, почему одни классификации перестают быть релевантными, а другие релевантизируются, и как это отражается на брачном поведении.

Классификации как фокус современных исследований этничности

В рамках длящейся с окончания Второй мировой войны до настоящего времени реконцептуализации поля исследований этничности был осуществлен пересмотр и ее базовой онтологии – из фокуса исследований постепенно уходят субстанционализированные этнические группы, а новым объектом исследований становятся прежде всего классификации людей, базирующиеся на категориях, членство в которых обычно наследуется, а также коммуникативные акты разного типа, эти классификации производящие (Wimmer, 2013; Jenkins, 2008; Chandra et al., 2012; Brubaker, 2006). Эту реконцептуализацию можно обозначить как конструктивистский или когнитивный поворот в исследованиях этничности (Brubaker, 2004). Универсализированное резюме этого взгляда выглядит следующим образом: люди классифицируют других людей на постоянной основе, часть производимых классификаций оказываются относительно устойчивыми и начинают регулировать социальные отношения и поведение отдельных людей. Важную роль в производстве и закреплении этих классификаций играют различного рода коллективные акторы, включая современные государства, которые часто создают или берут на вооружение некоторые классификации в целях более эффективного управления.

Роли государства в создании и поддержании этнических классификаций посредством государственной статистики и идентификационных документов посвящено немало литературы (Appadurai, 1993; Simon, Piche & Gagnon (eds.), 2015). В случае, если с производимыми государством этническими категориями оказываются связаны, с одной стороны, преференции, с другой – негативные эффекты, а сама этническая классификация оказывается эффективным инструментом социальной организации общества, можно ожидать, что эта – официальная – классификация станет одновременно и классификацией

вернакулярной – то есть классифицируемые поверят в нее и будут исходить из нее в своем повседневном поведении. Помимо «убедительности» государства есть и другие факторы, которые способствуют тому, что та или иная классификация закрепляется в качестве социального факта. К таковым, например, относится то, насколько классификация соответствует реально существующим различиям между людьми и является эффективным «когнитивным ключом» к этим различиям. К таковым относится и то, насколько эта классификация вплетается в ткань частной жизни и начинает регулировать такие типы социальных отношений как дружбу и браки.

Исследования браков в связи с этничностью «грешат» невнимательностью к вернакулярному измерению этничности и – частью не пройдя «когнитивный поворот» вслед за теоретическим авангардом исследований этничности, частью испытывая ограничения в данных, которые обычно базируются на официальных категориях, «не успевают» за динамикой фактической релевантности классификаций и категорий. В последнем случае исследователям могут видаться межкатегориальные браки там, где для самих супругов межкатегориальности не было, или наоборот: они могут «проглядеть» нормативность, связанную с категориями, не включенными в официальные классификации, и потому невидимые для государственной статистики.

Исследования брачной нормативности и брачного поведения

Межэтнические браки уже давно занимают центральное место в литературе, посвященной этническим отношениям. Статистика о распространении смешанных браков в обществе используется как барометр для оценки степени социальной интеграции, межгрупповой социальной дистанции, а также прочности этнических границ и идентичности в целом (Gordon, 1964; Qian & Lichter, 2011; Dribe & Lundh, 2011). Исследования расово- и этнически неоднородных браков возникли и развивались преимущественно на фоне увеличения с 1970-х годов числа брачных связей между чернокожими, латиноамериканцами, азиатами, американскими индейцами и белыми в США (Rosenfeld, 2008; Schwartz, 2013; Smith et al., 2014), а также в странах с наибольший потоком иммигрантов, например, Австралии и Канаде (Kalbach, 2002; Meng & Gregory, 2005; Hou & Myles, 2013). В дальнейшем вариация изучаемых стран значительно расширилась (Kalmijn & Van Tubergen, 2006; Dribe & Lundh, 2011; Hannemann et al., 2018); тем самым была верифицирована возможность распространения описанных тенденций на другие социокультурные контексты. Согласно литературе, основной предпосылкой для брачной универсализации выступает модернизация и такие ее аспекты как повышение уровня жизни, распространение образования и процесс урбанизации, что – в совокупности – способствует размыванию этнических границ и уменьшению влияния этничности

на все стороны жизни, включая брачные отношения (Kalmijn & Van Tubergen, 2006; Schwartz, 2013; Hannemann et al., 2018).

Работы, опирающиеся на российский контекст, не позволяют описать единый сценарий изменения брачных установок и практик населения (Лурье, 2018), однако существуют исследования, осуществленные на статистических данных, свидетельствующие о росте доли межкатегориальных браков (Асанова, 2008; Хачатрян & Чадова, 2016). Эти результаты, как и в международных исследованиях, принято связывать с процессами секуляризации и урбанизации в России, а также сближением уровня и условий жизни различных «этнических групп» (Зейтунян, 2006; Амирханова, 2017). В сравнительно небольшом числе исследований, посвященных этничности и брачности в Дагестане, демонстрируется преобладающее позитивное и нейтральное отношение молодежи к межкатегориальным бракам (Верещагина, 2013), а кроме того, подчеркивается, что именно у горожан сильнее выражена установка на незначимость критериев национальной принадлежности для выбора супруга (Шахбанова, 2011). Среди барьеров, препятствующих распространению смешанных браков, с точки зрения жителей республики, выделяется опасение за «сохранение этнического ядра народов» (Верещагина, 2003; Загирова и др., 2017).

Наряду с описанными выше универсалистскими тенденциями в рамках исследований межкатегориальной брачности отмечается, что этническая эндогамия продолжает существовать, и ищутся объяснения этому явлению. Работы, пытающиеся объяснить установку на эндогамию, в качестве факторов, ей способствующих, указывают на желание семей сохранить различные виды ресурсов: экономические, социальные, символические (Kalmijn, 1998; Zang, 2007), а также на важность коммуникативного удобства, которое обеспечивается сходством культурного бэкграунда брачующихся (Nave, 2000; Buss et al., 2001). Упоминается и установка на сохранение культурной «самобытности» и языка, а также на поддержание сплоченности воображаемой группы, ее ценностей и традиций (Burne, 1997; Clark-Ibanez & Felmler, 2004). Такие факторы могут «перебивать» эффекты модернизация или входить с ними в интеракцию с неожиданными последствиями: в частности, отмечается, что увеличение уровня образованности может способствовать усилению этнической идентичности и увеличению количества моноэтнических браков (Furtado, 2012). К тому же выбор партнера зависит не только от индивидуальных и коллективных предпочтений, но и от структурных возможностей брачного рынка (Kalmijn, 1998; Giindiiz-Hosgor & Smits, 2002), которые могут не позволить применить меняющиеся брачные установки. В отношении российского контекста отмечается, что распространенность межэтнических браков различается в зависимости от типа регионов: в отличие от России в целом, в национальных республиках смешанные браки распространены слабее (Сороко, 2014; Евстигнеев, 1971). Такие тенденции могут быть связаны с более сильным в таких регионах давлением общества и – при том, что установки меняются, – санкции мешают

этим установкам воплощаться в жизнь (Шахбанова, 2013). Исследователи межэтнических браков в Дагестане объясняют результаты различиями в обычаях и традициях, поведении, а также «чертах национального характера» (Шахбанова 2013), которые в условиях «повышения значимости этнических факторов в жизни народов» (Верещагина, 2014) способствует повышению уровня этнической эндогамии.

В целом, таким образом, исследования фиксируют как тенденции, в рамках которых брачные установки и поведение меняются в сторону большей инклюзивности и универсальности, когда – при прочих равных и в результате действия разных механизмов – сосуществование представителей разных этнических категорий на одной территории по умолчанию приводит к ослаблению запретительной брачной нормативности, – так и обратные процессы, в рамках которых происходит социальное закрытие (*social closure*), связанное с установкой на сохранение разного типа капитала. Говорить о том, что брачная нормативность повсеместно универсализируется, нельзя, частью потому, что не существует исследований, которые бы в своей эмпирике исходили из такой – обобщающей – постановки вопроса, частью – потому, что существующие локальные исследования демонстрируют противоречивые тенденции.

Тем не менее – в перспективе – такая постановка вопроса позволяет переосмыслить полученные эмпирические данные в дихотомии партикуляризм-универсализм, в рамках чего партикуляристскими могут считаться установки, предполагающие категориальное ограничение в рамках существующей структуры возможностей, в то время как универсалистскими будут называться установки, логика которых предполагает вектор на максимизацию вариантов. Следствием такого определения является то, что одна и та же установка (в том числе на брак с представителями своей национальности) в некоторых контекстах может быть по-универсалистски расширяющей, в другой – наоборот, ограничивающей.

Контекст исследования

Большая часть территории современного Дагестана вошла в состав Российской империи в результате Кавказских войн (Покровский, 2009). Вслед за этим – со второй половины XIX века – началась их экономическая интеграция (Карпов & Капустина, 2011). Уже в те времена в Дагестане наблюдалось значительное культурное и языковое разнообразие. Тем не менее, основными элементами социальной идентификации для местного населения были патри-линейные группы «тухумы» и связанные с ними сельские сообщества «джамааты» (Гаджиева, 1985b; Магомедова, 2021; Хашаев, 2007). В 1920-х годах в СССР, в том числе и в Дагестане, на основе работ этнографов и лингвистов, а также административной прагматики (Hirsch, 2005) и революционной роман-

тики (Алпатов, 2000), были определены официальные этнические категории – «народности» или «национальности». К 1926 году был окончательно утвержден список из примерно 40 дагестанских народностей, однако к переписи 1939 года их число сократилось до 11 (авары, даргинцы, кумыки, лезгины, лаки, азербайджанцы, табасаранцы, русские, чеченцы, ногайцы, евреи). Этот список с минимальными изменениями дожил до последней советской переписи 1989 года. В трех постсоветских переписях количество и состав национальностей практически соответствовали списку 1926 года за исключением некоторых изменений (например, исчезла категория «капучины» и – для описания населения примерно тех же сел – была добавлена категория «бежтинцы»). За советский период национальности стали значимыми элементами самоопределения для дагестанцев, что усилилось и в постсоветский период с ослаблением федерального центра и попыткой построить политический порядок на основании этнического паритета (Ланда, 2016; Hall, 2015; Ware & Kisriev, 2001). Сегодня, однако, политическая и социальная значимость национальных категорий, как предполагается (Варшавер, 2021; 2022b), уменьшается из-за стирания фактических культурных различий, исламизации и массовой миграции дагестанцев в другие регионы России.

При территориальном и хронологическом разнообразии брачных установок и практик наиболее распространенным типом брачного поведения была сельская эндогамия, то есть ограничение круга потенциальных и фактических брачных партнеров рамками сельской общины, «джамаата» (Гаджиева, 1985b; Агларов, 2014). В некоторых контекстах норма, запрещающая вступать в браки с жителями других сел, закреплялась в местных адатах (Гаджиева, 1985b), но в некоторых – эта норма могла полностью отсутствовать, а межкатегориальные брачные союзы могли даже поощряться (Агларов, 2014). Брачное поведение, кроме того, формировалось под влиянием вертикальных классификаций (условно – классовых или сословных), согласно которым не одобрялись «мезальянсы» (Гаджиева, 1985b). Несмотря на распространенность мнения, согласно которому классификация по тухумам играла роль фактора, ограничивающего круг возможных брачных партнеров, современные исследователи придерживаются мнения, что тухумная эндогамия не была распространена, и с помощью браков между представителями разных тухумов осуществлялось построение коалиций в рамках джамаата (Агларов, 2014; Рагимова, 1998).

При изучении брачной культуры в Дагестане исследователи, кроме того, отмечают, что отдельные свадебные обычаи, церемонии и институты (левират, сорорат, «люлечный сговор» и проч.), также имели локальные особенности и различались в зависимости от территории (Алимова, 1989; Абдинова, 2010; Эльмурзаева, 2012). С приходом Российской империи в Дагестане участились случаи заключения браков между представителями разных конфессий – мусульманами и христианами. Впрочем, преобладающей тенденцией в брачном поведении населения оставались браки внутри ислама (Гаджиева,

1985а). Мусульманская религиозная парадигма также позволяла многоженство, но в виду практических возможностей данная опция была привилегией наиболее богатых людей (Загирова, 2022).

В период советской власти, с приходом интерпретации разнообразия через призму национальной классификации, в Дагестане в такой терминологии стало обсуждаться и брачное поведение; в частности, стали говорить о моно- и межнациональных браках. Согласно переписи населения 1939 года, наиболее распространенной формой брачных союзов в Дагестане был брак между представителями одной национальности. Доля межнациональных браков на тот момент составляла 6%. К 1963 году этот показатель увеличился до 10%, а к 1981 году достиг 12% (Гаджиева, 1985а). Доля таких браков в городах, рабочих поселках и районных центрах была выше и составляла около 22% (Гаджиева, 1985а). В столице республики, Махачкале, доля межнациональных браков в 1963 году достигала 28% (Евстигнеев, 1971). К 2010 году, впрочем, эта доля снизилась до 10% (Bessudnov & Monden, 2021). Тем не менее, в 2018 году сотрудниками махачкалинского ЗАГС отмечался рост межнациональных браков (Керимов, 2018).

В исследованиях, кроме того, отмечались различия в вероятности заключения межнациональных браков среди представителей различных национальностей в Махачкале, а также среди мужчин и женщин (Bessudnov & Monden, 2021). Было установлено, что межнациональные брачные союзы наиболее характерны для более молодых возрастных когорт. В настоящее время мнения дагестанцев относительно межнациональных браков различаются; тем не менее многие относятся к таким бракам нейтрально или положительно (Верещагина & Шахбанова, 2013; Загирова, Нурилова & Акимова, 2017; Шахбанова, 2013; Верещагина, 2013; Адзиев & Гасанов, 2010; Караев, 2012; Сигарева & Сивоплясова, 2015), а в некоторых случаях на национальности могут вообще «не смотреть» (Шахбанова, 2008). Предположительно, это связано с установками на заключение брака на основании исламских норм (Муртузалиев, 2019). Кроме того, исследователи отмечают, что в настоящее время при принятии решения о заключении брака учитываются такие факторы, как материальное положение, наличие взаимных любовных чувств, психологические особенности партнера и другие критерии (Айгумова & Айгунов, 2008). Вариации брачной нормативности являются также частым элементом описания дагестанских национальностей¹. В целом, однако, несмотря на наличие исследований, говорить о существовании близкой к реальности консистентной картины брачного поведения дагестанцев прошлого и настоящего – не приходится.

---

1 Подобные описания можно встретить в монографии «Народы Дагестана» (Арутюнов & Османов и др., 2002) и на сайте Министерства по национальной политике и делам религий Республике Дагестан (Национальная политика... , 2021).

Методология исследования

Данные, на основании которых была написана статья, были собраны авторами статьи и их коллегами летом 2022 года. Был разработан гайд, посвященный современному состоянию этничности в Дагестане, один из блоков которого был посвящен брачной нормативности, брачному поведению и роли национальностей в связи с этим. Вот примерные вопросы этого блока:

На ком Вы женились/за кого вышли замуж? Это человек той же национальности или другой? Той же религии или другой? Из того же населенного пункта или другого? Как принималось решение на этот счет? Вы были знакомы с женихом/невестой? Кто и как искал/подбирал его/ее? Какие были главные критерии подбора супруга? Что было известно – на ком Вам стоило жениться/за кого выходить замуж в первую очередь? На ком было вообще нельзя жениться/за кого вообще нельзя было выйти замуж? Было ли такое, что на ком-то было лучше не жениться/за кого-то было лучше не выходить замуж, но все-таки можно? Как это объяснялось? Что об этом говорили люди? Как различались мнения по этому поводу в Вашей семье (может быть, бабушки и дедушки были против брака, а родители – не против)? Какую роль в этом играли национальности? Как Вы сами считаете – люди из разных сел, национальностей, религий – могут жениться друг на друге или нет? Почему? Что Вы насчет этого говорили/будете говорить своим детям, другим молодым родственникам? А что вообще вы рассказываете/будете рассказывать своим детям про национальности в Дагестане?

В той мере, в какой интервью носило биографический характер, эти вопросы – в усеченном формате – задавались применительно к разным этапам и контекстам жизни информанта. Например, если он учился в вузе или переезжал, стояла задача выяснить брачную нормативность в новых социальных кругах.

Всего было собрано и транскрибировано 133 интервью. Интервью собирались как в Махачкале и окрестностях (78 интервью), так и в семи горных селах – Кубачи (10), Уркарах (6), Аракул (8), Нижний Катрух (8), Ихрек (6), Бежта (8) и Тлядал (9). Выбор сел осуществлялся на основании совокупности соображений, среди которых – разнообразие номинальной этнической принадлежности жителей этих сел (аварцы, даргинцы, лакцы, рутульцы, бежтинцы, кубачинцы, азербайджанцы), разнообразие районов Дагестана, сложность локальной конструкции этничности и др.

Транскрипты интервью были загружены в программу для анализа качественных данных «Атлас», и в их отношении было осуществлено тематическое кодирование. На первом этапе были созданы общие коды, обозначающие материал, релевантный теме. Затем были созданы частные коды, которые атрибутировались высказываниям, позволявшим определить брачную нормативность и поведение информанта и его родителей. Тексты, отмеченные кодами, анализировались всем коллективом авторов статьи, основные типы представлений

информантов были на этой основе реконструированы и приведены в первой части «результатов исследования».

На основании закодированной информации были выделены разные типы брачных установок, сформулированных как применительно к себе, так и применительно к собственным детям. Также – по возможности – были воссозданы позиции родителей информантов¹. В результатах сначала представлена детализация каждой из установок, затем их количественное соотношение (для этого из 133 интервью, которые иногда проходили одновременно с несколькими информантами, было выделено 124 индивидуальных случая), факторы, объясняющие тяготение информанта к одной из них, а также межпоколенную семейную динамику в пространстве партикуляризм-универсализм². В заключительной же части раздела описаны дискурсивные логики, стоящие за установкой «жениться на представителях своей национальности», а также продемонстрированы результаты сравнения этих аргументов и доводов, объясняющих важность «внутрисельских» браков.

Результаты

Типы брачных установок. В ходе анализа данных были выделены пять основных типов брачной нормативности. Первые четыре типа это предположения заключать брак (1) с жителями своего села, (2) с представителями своей национальности, (3) с представителями дагестанских национальностей, (4) с мусульманами вне зависимости от национальности. Пятый тип – это универсалистская установка на брак вне зависимости от категориальной принадлежности потенциального брачного партнера. Следует отметить,

1 Процесс кодировки требовал упрощения сложных ситуаций до бинарных переменных (наличие или отсутствие установки в интервью), а также номинальной переменной «доминирующая установка», где нужно было выбрать один из пяти вариантов. Реальность, однако, не всегда поддавалась такому упрощению. Далее приведены примеры сложных ситуаций и решений в каждом из случаев. Один из информантов (м, 34, Махачкала) в определенный период своей жизни относил себя к национальности матери. В то время он вступил в брак с девушкой, принадлежавшей к этой же национальности и родившейся в селе, где жила его мать. Однако к моменту проведения интервью он начал отождествлять себя с национальностью отца и, говоря о своем предыдущем браке, называть его «межнациональным». При этом на момент интервью информант вообще не имел брачной установки в отношении себя, так как считал свой предыдущий опыт неудачным и не планировал когда-либо жениться. Установка информанта в этом случае была определена как отсутствующая и не учитывалась при расчетах. Другая информантка (ж, 74, Махачкала) была засватана за человека, говорящего на кумыкском языке, с предположением, что он принадлежит к данной национальной группе. В ходе помолвки, однако, выяснилось, что формально он относится к аварской национальной категории. Несмотря на это, свадьба все равно состоялась. Установки родителей информантки в этом случае были определены как моноэтнические.

2 В качестве партикуляристских установок – на основании приведенного в разделе «методология» определения – были закодированы установки на брак с односельчанами, а также представителями своей национальности, в качестве универсалистских – с дагестанцами, мусульманами и со всеми вне зависимости от категориальной принадлежности. Такое кодирование, как следует определения, обусловлено структурой возможностей в Дагестане, где в большинстве контекстов два первых типа категорий являются ограничивающими относительно этой структуры, а три вторых – расширяющих совокупность возможных брачных партнеров до большей части теоретически доступной совокупности.

что описанные варианты брачной нормативности не являлись взаимоисключающими. Иногда наиболее желаемым был наиболее «узкий» вариант, прочие – по мере «расширения» – становились менее желаемыми; иногда можно было сделать вывод, что варианты для информантов равножелаемые; иногда – они однозначно высказывались «в пользу» одного из вариантов, имплицитно или эксплицитно «отметая» все иные варианты. Наиболее «узкий» тип брачной нормативности¹ предписывает выбирать супругов из числа жителей своего села. Ниже представлены примеры того, как информант говорит о том, как его родители очерчивают круг потенциальных брачных партнеров:

Информант: Да, ну в нашей семье такое. Допустим, мне сказали. Ну, грубо говоря, это даже не обсуждается – как бы «Ты выйдешь за своего только», то есть с нашего села. То есть, смотрите, вот аварцы, у нас есть районы и в районах села. То есть в районе, может быть, 5-6-7 сел. То есть я не могу выйти даже за парня с этого района, обязательно в село. То есть численность я не знаю точно, не могу сказать вам, села. Ну, вот выбираешь, грубо говоря, там все родственники, там кто... Ну, да, грубо говоря, там все являются друг другу родственниками, там, троюродными и так далее. Ну, то есть ты рассматриваешь только этот круг, грубо говоря. (ж., 21, Махачкала)

А вот как один из информантов – по прошествии многих лет – описал причины выбора односельчанки:

Интервьюер: А вы бы смогли, если бы захотели, жениться на ком-то не из Ихрека?

Информант: Нет, я не хотел.

Интервьюер: А вы бы смогли, если бы захотели?

Информант: Я хотел на наших, красивые девочки здесь, обычаи наши, у других другие. (м., 71, Ихрек)

Другой тип брачной нормативности связан с установкой выбирать брачного партнера среди представителей своей национальности. Так, студентка махачкалинского вуза рассказывает о поиске брачного партнера и уточняет, что круг ограничен именно национальностью:

Информант: У меня просто столько знакомых, которые хотят меня выдать замуж. Поэтому я, как раз, куда бы ни пошла работать, все ищут мне мужа.

Интервьюер: И разных национальностей?

Информант: Аварца. Другой нации, если честно, я даже не знаю. (ж., 23, Махачкала)

1 Исследователи отмечают, что в Дагестане также встречается брачная нормативность, согласно которой выбирают брачных партнеров в рамках одного тухума или сословия. Однако информанты в ходе полевого исследования упоминали об этих установках гораздо реже, чем о представленных в статье. Кроме того, авторы, аналогично исследовательнице Рагимовой (Рагимова, 1998), рядопологают данные логики статусным, в результате чего тухумные и сословные установки были включены в сельский тип нормативности.

Информанты также отмечают, что в разных поколениях эта установка может выражаться в разной степени:

Информант: Родители? Я думаю, что они относились бы в принципе нормально и с пониманием, но они все-таки не обязательно, но, желательно, чтобы была лезгинка. Мама первый вопрос сказала: «Кто она по нации?». Я, если честно, удивился, когда она спросила это первым вопросом, потому что я от нее лично не ожидал, потому что я всю свою жизнь думал, что они как-то к этому так не относятся, но, видимо, для них это еще важно. Например, для матери получается, для стороны моей жены – для них тоже было важно, чтобы был лезгин. То есть, для этого поколения это еще важно, для нас уже как-то. (м., 23, Махачкала)

Третий, еще более широкий, тип брачной нормативности предписывает заключать брачные союзы с представителем одной из «дагестанских» национальностей¹. В качестве иллюстрации можно привести выдержку из интервью с двадцатилетней махачкалинкой, которая рассматривает в качестве будущего мужа только дагестанского мужчину:

Интервьюер: Ты рассматриваешь, что это может быть русский муж?

Информант: Нет, русский точно нет.

Интервьюер: Точно нет? А если русский из Дагестана?

Информант: Тоже нет, все равно...

Интервьюер: То есть табасаранец или просто дагестанец?

Информант: Любой дагестанец.

Интервьюер: А из мусульман никого не рассматриваешь? Турка или азербайджанца?

Информант: Нет, только дагестанец.

Интервьюер: Только дагестанец. Очертила круг возможностей.

Информант: Для меня, по моему субъективному мнению, лучше, чем дагестанского мужчины нет, но это для меня. Для меня дагестанские мужчины это просто оплот мужественности. Конечно, есть много дебилов, но на таких я не смотрю. Я знаю очень много дагестанских мужчин, которые мужественные при этом современные образованные парни. И мне это очень нравится. И поэтому я не готова за кого-то другого выходить вообще никак, ни при каком раскладе. Я лучше одна останусь. (ж., 20, Махачкала)

Некоторые информанты к дагестанским национальностям русских, социализировавшихся в Дагестане, все же относят:

Интервьюер: Она тоже теперь замуж хочет?

Информант 2: Да мы и не спрашиваем уже.

---

1 Дагестан часто описывается его жителями как территория культурного разнообразия, при этом паттерн воображения этого разнообразия – это «народы», которые «издревле проживают в Дагестане». К этим «народам» обычно относят основные переписные категории, исключая категорию «русские» (Назаров, 2022).

Информант 1: Закон есть закон. А так хочет она или не хочет, кто у нее будет спрашивать, когда отец и мать настаивают. Нормальный человек, если попадется, то мы не откажем. Нормальный человек не откажет.

Интервьюер: А если русский будет, откажете?

Информант 2: Разницы никакой.

Информант 1: Да, разницы никакой, главное, чтоб сошлись.

Интервьюер: А если какой-нибудь поляк?

Информант 1: Нет, нет, такого нет. [Нужен] свой, дагестанский. (ж., 52, ж., 59, Аракул)

Интервьюер: А если русская из Дагестана, если она родилась... Ведь в Дагестане тоже есть русские?

Информант: Ну, это, опять-таки, от человека зависит. Если у нее, допустим, взгляды будут такие, как у дагестанцев, тогда может быть нормально. (м., 21, Махачкала)

Однако иногда в подобных случаях, в качестве условия возможности вступления в брак, русским потенциальным брачным партнерам может выдвигаться требование принять ислам, и это указывает на четвертый, исламский тип брачной нормативности, которая в общем случае очерчивает брачный рынок людьми, исповедующими эту религию, но также дает возможность заключить брак с прозелитом. Информантка, комментирующая конфликт с братом, который считает, что ее мужем может быть человек одной с ней национальности, подчеркнула, что для нее только исламский критерий является важным:

Информант: Именно у моей семьи нет ограничений, потому что моя семья религиозная, и мне никогда не говорили: «Ты выйдешь только за лезгина!». У меня только брат так говорит, и то я с ним не согласна, пошел он. «Ты выйдешь только за лезгина» – никогда мне так не говорили, потому что они понимали, что на первом месте стоит именно религии, религия, а дальше уже какие-то ценности. <...> Но мой брат мне всегда говорил: «Я тебя никогда ни за кого не отдам, кроме как за лезгина». Я такая: «Ты не имеешь права». Я уже руководствовалась своей религией, потому что по религии я могу выйти замуж за кого угодно. И все, получается сейчас это есть. Но это решаемый вопрос. Раньше это было, но это было очень тяжело решить. То есть вот так. Сейчас хоть за африканца можно замуж выйти. (ж., 20, Махачкала)

Информанты часто отмечают, что категория «мусульмане» доступна для входа, и, что, если потенциальные супруги изначально относятся к разным религиям, один к исламу, другой нет, последний может принять ислам, при этом речь идет как о невестах, так и женихах:

Интервьюер: А религия важна при выборе жены?

Информант: Ну да. У нас даже если женятся, то для многих главное религия. То, что я, допустим, мусульманин, женюсь на христианке, у нас главное, чтобы она приняла ислам. (м., 21, Махачкала)

Информант: Мы против русских, конечно, ничего не имеем, даже против других наций тоже, просто у нас вот так вот. Я вот своей дочке говорю: пускай он будет русский, но примет ислам. Вот тогда я буду [за]. (ж., 40, Махачкала)

Последний тип брачной нормативности формулируется от обратного; согласно нему, брачным партнером может выступать человек без ограничений, основанных на первых четырех типах нормативности. В дискурсе информантов, в ответ на вопрос о потенциальном женихе/невесте, часто встречается позиция «кто угодно» в разных вариациях и формулировках. Как правило, однако, такая установка сопровождается указанием на важность ряда других параметров. К таковым могут относиться: наличие любви, адекватность, образование, психологическая совместимость, внешность партнера и другие:

Интервьюер: Кстати, жена у тебя может быть религиозная или нет?

Информант: [(общ., эмоц.) «все равно»]!<...>

Интервьюер: А папа что говорит тебе?

Информант: Папа говорит – [(общ., эмоц.) «Мне абсолютно все равно»]!, на ком ты женишься! Ты же с ней будешь жить! <...>

Интервьюер: А у тебя родители как относятся к тому, что поженишься на другой нации?

Информант: Все равно. Ну типа им главное, чтобы была нормальной, здоровой, адекватной! Типа тебе, наверное, тоже говорят – тебе жить, ты и выбирай! У меня у сестры был неудачный брак, когда ей было 20 лет. Потом у мамы спрашиваю, типа мам, неужели ты не видела? Ты же знакома была. Мама говорит – это же не мой выбор... это ей решать! (м., 19, Махачкала)

Информант: Мне уже как-то без разницы, типа, ну, аварка будет, даргинка, любой нации. Мне уже как-то, ну... Главное, чтобы человек был хороший. Нет плохих наций, есть плохие люди, как обычно говорят. (м., 21, Махачкала)

Иногда, кроме того, информанты, имеющие детей, говорили о невмешательстве и недопустимости трансляции установок о брачном партнере своим детям:

Интервьюер: А, понятно. А вот что вы говорили детям насчет выбора будущих супругов? Вот были какие-то приоритеты?

Информант: Нет. Моему сыну говорю, кого ты любишь – иди забирай, ты будешь жить нормально, живите. Я не вмешивалась в их жизни. И дочкам тоже сказала, кого вы хотите – и любите. Живите. Я не вмешивалась. (ж, 60, Нижний Катрух)

Интервьюер: А вот вашим детям вы говорили какие-то наставления?

Информант: Не, нет. Я говорю, что надо жениться, потому что пора жениться. Надо говорить определиться. Неважно именно. Определиться надо.

Интервьюер: Вообще не важно за кого?

Информант: Вообще не важно. Главное, чтобы определились.

Интервьюер: А если за русских?

Информант: Ну какая... русские не люди, что ли? (м, 53, Аракул)

Интервьюер: А что для вас будет важно в муже дочери?

Информант: Ой, я вообще поняла вот это вот четко работает. Не родись красивой, счастливой лишь бы была, а остальное не важно. Ну еще чтобы сами себя обеспечивали. (ж, 49, Махачкала)

Количественные соотношения и детерминанты брачных установок.

Каково соотношение между этими типами нормативности в собранных данных? Интервью, в которых зачастую обсуждалась как личная позиция информанта, так и то, каких взглядов придерживались в семье, когда он рос, позволили в большинстве случаев восстановить эту нормативность применительно как к самим информантам, так и к их родителям.

	Установки		Информанты	
	Родители		Информанты	
	N	% (валидный)	N	% (валидный)
Из своего села	36	54	17	17
Своей национальности	11	16	4	4
Дагестанцы	1	1	11	11
Мусульмане	9	13	40	40
Кто-угодно/другое	10	15	27	27
Валидные	67	100	99	100
Пропущено	57		25	
N	124		124	

Хи-квадрат = 41,197, асимптотическая значимость (двусторонняя) < 0,001

Таблица 1. Брачные установки: распределение ответов

Table 1. Marital attitudes: distribution of answers

Сразу следует отметить: в той мере, в какой отбор информантов осуществлялся на основании квот, в массиве информанты представлены разновозрастные, минимальный возраст – 18 лет, максимальный – 86 лет. Иными словами, различие между информантами и их родителями – это не в чистом виде различие между молодежью и старшим поколением. Однако, хотя специально вопрос про возраст родителей не задавался, из общих соображений

можно ожидать примерно 20-летний возрастной разрыв между этими группами, и если медианное значение возраста информантов – 38 лет (1984 год рождения), для родителей это значение, соответственно, составляет порядка 58 лет (1964 год рождения).

Распределение однозначно говорит о том, что среди родителей преобладает установка, согласно которой жениться надо на жителях или выходцах из того же села. Такая установка закодирована как доминирующая у родителей 54% информантов. Представления, согласно которым брачный рынок в части этнических категорий должен регулироваться исламскими нормами или же жениться можно на всех – вне зависимости от категориального членства жениха и невесты – распространены реже (13% и 15% соответственно). Национальности как ограничитель брачного рынка также существенно «проигрывают» установке «жениться на односельчанах». Иными словами – родители информантов из массива – преимущественно за внутрисельские браки.

Совсем иная картина характеризует совокупность самих информантов: наиболее частотным вариантом является установка на брак в рамках исламской нормативности (40% информантов придерживаются такой позиции), но также распространены и гуманистические универсалистские установки (27%). Представление, что жениться нужно на односельчанах, распространено меньше (17%). И почти не бывает (4%) такого, чтобы в нарративе информанта доминировала идея, согласно которой жениться надо на представителе своей национальности. Согласно этим данным, установки меняются, идея «жениться на односельчанах» уходит из сообщества, взятого в целом, однако на смену ей приходит или исламская, или общечеловеческая рамка. Национальности имеют небольшое значение в поколении родителей, а в поколении детей это значение почти полностью отсутствует.

На основании этих результатов можно сделать предположение, что установки связаны с возрастом или поколенческой принадлежностью. Для его проверки номинальная переменная, приведенная выше, была перекодирована в бинарную, где установки на браки с представителями своего села, своей национальности и дагестанцами были закодированы как «партикуляризм», а исламские установки и отсутствие ограничителей – как «универсализм». Был осуществлен корреляционный анализ, по результатам которого была зафиксирована связь между установками как информантов, так и родителей с возрастом информантов ($r=-202$, $p=0,045$; $r=-240$, $p=0,05$). Более детализированный регрессионный анализ, однако, показал, что основной объясняющей переменной является не столько возраст, сколько место социализации информантов, и если таковая произошла в сельской местности, вероятность того, что информант будет придерживаться партикуляристских позиций, в 4 раза выше, чем если он был социализирован в городе. Иными словами, установки на партикуляризм являются территориальным фактором, и в ходе урбанизации эти установки ослабевают.

	B	Знч.	Exp(B)
Возраст	-,014	,289	,986
Пол	,136	,782	1,145
Уровень образования	,147	,597	1,159
Социализация (0 - сельская местность, 1 - город)	1,401	,008	4,060
Константа	,448	,574	1,566
R квадрат Кокса и Снелла	,128		
R квадрат Нэйджелкерка	,179		
N	92		

Зависимая переменная: установка (0 – партикуляризм;
 1 - универсализм

Таблица 2. Регрессионный анализ факторов, связанных с брачными установками информантом

Table 2. Regression analysis of factors, associated with marital attitudes of informants

Были произведены и другие расчеты, в рамках которых сравнивалась позиция информантов и их родителей. Согласно результатам, если поколения семьи различались в том, что касается брачных установок, эти изменения происходили в направлении универсализма – исламского или гуманистического.

Позиция родителей – позиция информанта	N	% (валидный)
Универсализм – партикуляризм	2	4
Не изменилась, партикуляризм	17	30
Не изменилась, универсализм	15	26
Партикуляризм – универсализм	23	40
Всего	57	100
Итого	124	

Таблица 3. Межпоколенная динамика брачных установок в семьях

Table 3. Intergenerational dynamic of marital attitudes in families

В целом, если ориентироваться на эти данные¹, можно заключить, что брачные установки в Дагестане меняются: осуществляется переход от партикуляристской установки «жениться на односельчанах» к одному из типов универсализма – исламскому, в рамках которого брачный рынок мусульманина – вся умма (а если немусульманин примет ислам «под брак» – брачный рынок оказывается еще шире), – или гуманистическому, в рамках которого не существует категориальных ограничителей брачного поведения. При этом национальности, и в случае родителей, и – в еще большей степени – в случае информантов не являются и, по всей видимости, как минимум в последние десятилетия, не являлись сколько-нибудь значимым первичным ограничителем брачного поведения, и переход осуществляется напрямую от сельского партикуляризма к одному из типов универсализма, минуя национальности. Проще говоря, национальности не играют практически никакой роли в регуляции брачного поведения. Но в случаях, когда они все-таки играют роль, и когда информант или его родители классифицируются как тяготеющие прежде всего к позиции «жениться нужно на представителях своей национальности» – какова эта роль? Эти – нечастые – случаи были проанализированы, и был выявлен ряд дискурсивных логик, то есть стандартных моделей объяснения со стороны информантов, в которых указывается на важность женитьбы на представителях той же национальности, и эта важность объясняется.

Дискурсивные логики за установкой «жениться на представителях своих национальностей». Первая дискурсивная логика – культурное подобие. Люди одной национальности, согласно этой логике, это люди, похожие друг на друга с культурной точки зрения, а такое сходство способствует пониманию в рамках как нукlearной, так и расширенной семей. В частности, лучше будут понимать друг друга (1) сами брачующиеся, (2) брачующиеся, с одной стороны, и родители/старшее поколение их супруга/супруги (в данном случае речь идет и о языке, когда пожилые люди могут знать русский не очень хорошо или хотят говорить с зятем/невесткой «на своем»), (3) родственники с обеих сторон, встречаясь на семейных мероприятиях.

Информант: И потом, еще такой момент, все-таки надо признать. Да, мы дружим друг с другом, независимо от нации, в работе тоже. Но когда речь идет о семье, все захотят, большинство из тех, кого вы спросите, захотят свою. Свою невестку,

1 Данные, собранные в ходе исследования, не являются строго репрезентативными относительно республики, однако процедуры отбора информантов (примерно равная представленность информантов из горных районов и из махачкалинской агломерации), а также процедура мэтчинга, по сути осуществленная применительно к некоторым расчетам, в рамках которой позиции детей противопоставляется реконструированная позиция их родителей, позволяют делать определенные, пусть и ограниченные, выводы относительно динамики описываемых явлений для республики в целом. На этих основаниях и с этими оговорками и следует рассматривать генерализации, осуществляемые в этом и последующих фрагментах статьи, являющиеся одновременно гипотезами для последующего, запланированного на ближайшее будущее, количественного исследования методом опроса.

они скажут: «потому что общая культура, потому что общий язык». (ж, 38, Махачкала)

Интервьюер: И запретили вам на русской [жениться]?

Информант: Они не захотели, особенно моя мама говорит: «Я этого языка не знаю». Я говорю: «Она [русская невестка] будет наш язык знать, она учительницей работает». «Нет, нет, не хочу». (м, 80, Тлядал)

Информант: Да, тебе не придется... Допустим, если ты девушка, выходишь замуж за человека другой национальности, ты идешь в его семью, и допустим, они привыкли там разговаривать на своем языке, ты их не понимаешь, тебе будет неприятно тебе разговаривать на чужом языке. Или ты можешь просто не понимать их обычаев или особенностей, которые у них есть. Но в принципе, наверное, плюс-минус все одинаковое. Ну какие-то, может быть, мелочи будут. (ж, 21, Махачкала)

Действительно ли представители одной национальности будут культурно более сходны, чем представители разных национальностей, и в чем именно состоит культурные сходства и различия, информанты или не обсуждают детально, отвечая, что – помимо языка – речь идет об «адатах», «традициях» и «обрядках», в частности, свадебных, или упоминают известные им эмпирические различия между семьями, которые атрибутируют именно национальностям:

Информант: Как будто две культуры вообще разные, как будто это американец и не знаю, кто будет. Сильно разница в плане того, что воспитание там, взять, там обычаи. Когда я помню, свадьба была, у нас это нельзя, то нельзя, это так не делается, у нас этого не понимают. Женщины начинают там, в основном женщины, и везде женщины рулят, мужики не лезут, просто мужики не лезут. (м, 37, Махачкала)

Интервьюер: А какие, например, какие традиции, из-за которых можно конфликтовать?

Информант: Бывает как-то само мировоззрение, отношение к людям, как еще сказать, к восприятию всего. Или вот это воспитание детей бывает разное, бывает жесткое воспитание, а кто-то бывает очень мягкое. (м, 21, Махачкала)

Вторая дискурсивная логика – также связана с культурой, однако ее можно обозначить как ценность сохранения культуры. Согласно этой логике, в современном мире «своя культура» или «культура национальности» размывается и теряется. Причиной этого являются, среди прочего, браки, в которых муж и жена принадлежат к разным культурам, а если они будут принадлежать к одной и той же культуре, ребенку она с большей вероятностью передастся. Такая передача, впрочем, происходит не автоматически, и родителям нужно будет приложить к этому определенные усилия.

Информант: Надо хотя бы стараться что ли понимать свой родной язык. Вот смотри, родился сын, он не знает, ну он как бы якобы знает, но для галочки, а у него дети все уже. А это значит не будет знать, что ты говоришь. Ну и получа-

ется теряется уже национальность. Поэтому это не из таких побуждений чтобы не выдавать или что-то. Это свою ценную национальность надо сохранить. У чеченцев видишь, чеченцы не теряют ничего никуда. Я допустим в жены возьму русскую, даргинку, там кого-то, но ребенок... Я работаю, я где-то, я что-то, остается отдыхать. Она естественно лакский не знает, но будет своей национальности учить. Поэтому если допустим жена будет знать язык мужа, будет хорошо. Это знаешь, чтобы она учила детей и своему, и языку мужа. (м, 32, Махачкала)

Информант: Уже межнациональные браки очень часто. Но вероятность того, что сын их, дочка родится без определенной национальности, с незнанием своего языка, очень высока. На основе этого тоже многие нас боятся, чтобы их дети не выросли так. Родители запрещают, потому что это стыд. (м, 21, Махачкала)

Третья дискурсивная логика – это логика информированности и возможности контроля. Жениться нужно на представителях своей национальности в связи с тем, что они и их семьи ближе территориально и теснее связаны социально. В результате этого, во-первых, перед свадьбой о «той стороне» проще узнать «подноготную» и при необходимости отказаться от брака (если брак заключается с представителем другой национальности, такое «наведение справок» будет произвести тяжелее). Во-вторых, в случае, если брачная жизнь будет сопряжена с проблемами, стороне невесты будет проще повлиять на представителей своей национальности – они и ближе живут, и всегда будут знакомые знакомых, которые смогут повлиять на ситуацию.

Информант: Это удобно, потому что, когда ты берешь человека своей национальности, тебя пробивают. Ты уже находишься в некой системе, в которой все друг друга знают. Недавно мою подругу засватали, моя мама позвонила, и сказала, что знает, чей это сын, он живет через две улицы. То есть уже все пробивают, кто он, что он, чем занимается. Некий такой круг, который все знают, и все спокойны. Муж, жена, мы их знаем, их семьи, у нас есть общие знакомые. Такое некое спокойствие. (ж, 25, Махачкала)

Именно эти дискурсивные логики в тех или иных конструкциях воспроизводились от интервью к интервью, когда информант выражал мнение, согласно которому жениться нужно на представителях своей национальности.

Был и один случай, выбивавшийся из описанных логик. Информантка, выросшая вне Дагестана и указавшая, что она табасаранка по национальности, сказала, что ей теоретически хотелось бы выйти замуж за табасаранца («Конечно, мне бы хотелось найти табасаранца, это прикольно, свой язык и так далее. А, с другой стороны, я понимаю, что главное, чтобы человек был хороший» (ж, 25, Махачкала)), однако, как следует из анализа интервью, к ее случаю не применима ни одна из логик, представленных выше; скорее, речь идет о современных городских идентификаторных процессах, когда

близость конструируется фактически с нуля на основании номинальных категориальных сходств.

Таким образом, объясняя важность женитьбы на представителях той же национальности, дагестанцы в основном исходят из того, что частью национальность обеспечивает культурное сходство, которое важно и для понимания внутри семьи, и для воспроизводства культуры, а также сетевую близость, что делает процесс выбора, а также ситуацию после свадьбы более прозрачной и контролируемой.

Установки из «своего села» и «своей национальности» как варианты партикуляризма. Согласно классическим работам (Barth, 1998) и современному конструктивистскому консенсусу (Wimmer, 2009), однако, различные элементы культуры обычно соответствуют официальным классификаторным категориям с известной долей условности. Нет оснований думать, что это не так в Дагестане. Номинальные аварцы, происходящие из сел, жители которых в переписи 1926 года были отнесены к разным национальностям, но позже слиты в единую национальную категорию, говоря на «своих» языках, вряд ли поймут друг друга, а, например, брачные адаты часто различаются в соседних селах, где язык – один (Алигаджиева, 2014; 2015). О каком тогда культурном сходстве идет речь? Было сделано общее предположение, что национальности в данном случае – вне зависимости от того, насколько они реально «ухватывают» культурное сходство и различия, – являются способом воображения и структуризации культурного разнообразия *per se*, при том, что ранее такую роль играли иные категориальные сетки, в том числе классифицировавшие окружающих людей по селам и джамаатам.

Если это так, косвенным указанием могло бы послужить воспроизводство одних и тех же дискурсивных логик при объяснении, почему предпочтительны браки между представителями одного сельского джамаата и одной национальности. Был произведен дополнительный анализ интервью, в ходе которого действительно для каждой дискурсивной логики были обнаружены аналогии, где таким образом объясняется необходимость жениться на жителях/выходцах из того же села. В частности, это – по аналогии с национальностями – объясняется культурным сходством («Ну, больше, конечно, предпочтительно браки из своего села, даже вот не из района, из своего села. Это предпочтительно, потому что это близкие и по духу, и по этим...»). (м, 36, Махачкала), необходимостью сохранять культуру («Конечно, хорошо было бы, чтобы они замуж вышли за [человека], который знает свой язык. Я бы так хотел. Но это не остановишь. Это всё уже уходит. Останутся языки, на которых больше информации и, которые проще выучить»). (м, 64, Каспийск) и сетевой близостью («Из родного села, конечно, в первую очередь стараются, потому что ты знаешь про них, знаешь семью, знаешь тухум, потому что, если лишнее позволяют себе это вопрос времени, все равно узнают»). (м, 40, Махачкала). Более того, в некоторых случаях информанты прямо говорят о том, что брак

с односельчанами – желателен, однако часто невозможен, и в этой ситуации компромиссным вариантом будет брак с представителем одной национальности: «Нам родители говорили... Вот у братьев с нашего села жены. Они говорили, конечно же, из нашего села, но на крайний случай можно просто за лакца». (ж, 39, Махачкала). Это позволяет обоснованно предположить, что «из своего села» и «своей национальности» – это действительно разные изводы партикуляристской логики, на смену которой, как видно из результатов выше, приходят разные типы универсализма.

Выводы и дискуссия

Итак, с очевидностью можно говорить, что изменения брачной нормативности происходят, и Дагестан, – отходя от нормы «жениться на односельчанах» и минуя национальную рамку – оказывается вписан в один из двух универсалистских проектов: исламский, где супругом может быть любой мусульманин, а также гуманистический, где супругом может быть любой человек вне зависимости от категориальной принадлежности. Эти проекты оказываются «брачной идеологией» молодых горожан, в то время как сельский партикуляризм «остается» в селах и теряет позиции в связи с урбанизацией республики. Анализ литературы, впрочем, указывает на то, что урбанизация далеко не обязательно ведет к универсализации и межкатегориальным бракам, и, основываясь на ней, можно сделать вывод, что в Дагестане универсализирующие факторы оказываются сильнее партикуляризирующих (например, логики сохранения ресурсов). Неудивительно, что единственный случай сельского партикуляризма от человека, социализировавшегося в городе – это случай выходца из села Кубачи, где сильные партикуляристские установки убедительно объясняются давней ремесленной специализацией села на изделиях из серебра. В прочих случаях представления, распространенные в селах, «не дотягиваются» до людей, выросших в городе, где – по своим причинам – распространены иные брачные нормативы и идеологии, и именно под влиянием последних эти люди планируют свое брачное поведение и действуют соответствующе. Есть и другая причина «вымирания» сельской партикуляристской рамки – жителей села и выходцев из него нужного пола и возраста немного, и универсалистская логика оказывается практичнее, поскольку позволяет более эффективно ответить на запросы выходящих на брачный рынок.

Компромиссной логикой в такой ситуации – в городских условиях – мог бы стать партикуляризм «по национальностям». Было показано, что логика, используемая при аргументации в пользу браков на представителях той же национальности, «заимствуется» из сельского партикуляризма, однако брачный рынок в такой ситуации существенно расширяется. Почему она не используется при том, что – из другой литературы (Mitchell, 1956) –

известно, что города в ситуации интенсивной урбанизации нередко структурируются посредством партикуляристских категорий, аналогичным дагестанским национальностям?

Этот вопрос можно сформулировать и более обще – почему национальности в современных дагестанских городах не организуют отношения между людьми? Ответ на этот вопрос на данный момент в литературе отсутствует, равно как только последние годы в такой формулировке он начал задаваться (Варшавер, 2022b). Тем не менее, в качестве гипотезы, можно говорить о том, что причинами этого стала, с одной стороны, слабая институционализация национальностей, с другой – отсутствие видимых маркеров различий между представителями разных национальностей, с третьей – иная коалиционная структуризация политического поля, с четвертой – наличие мощных идеологических конкурентов в лице исламской рамки и светского гуманистического универсализма.

Национальности, таким образом, не стали ведущей классификацией, структурирующей брачный рынок и брачное поведение, и этот результат идет в копилку аргументов в пользу гипотезы, согласно которой национальности как классификаторная рамка иррелевантизируется (Варшавер, 2022b; Варшавер (ред.), Гуцунаев и др., 2022; Варшавер и др., 2024), и можно ожидать, что в течение нескольких поколений люди перестанут относить себя и других к каким-либо национальностям.

Другим аргументом в пользу этого является распространенность в городах Дагестана представления о «смешанности» детей от межнациональных браков, которое контрастирует с представлением, распространенным в сельской местности, согласно которому дети от межнациональных браков приписываются к категории отца. В ситуации увеличения доли таких браков все больше людей не смогут быть классифицированными в качестве представителя той или иной национальности, а значит, и дескриптивная мощь национальностей в целом будет снижаться. Национальности, таким образом, в некотором смысле «отмирают»; но «отмирает» ли этничность?

Если обобщить современный конструктивистский консенсус, этничность – это релевантные социальные классификации, основанные на категориях, членство в которых обычно наследуется. Дополнительное важное соображение состоит в том, что этничность контекстуальна, то есть в разных контекстах релевантными могут быть разные классификации, однако люди не живут во всех контекстах одновременно, для них основными являются только некоторые из них, а, следовательно, для них оказываются релевантными те классификации, которые используются для дифференциации людей в этом контексте.

В этой связи дать ответ на вопрос о том, «отмирает» ли этничность в Дагестане или нет, можно, ответив на вопрос о классификациях, которые удовлетворяют данному выше определению, являются релевантными для совре-

менных дагестанцев и производятся в контекстах, в которых они часто оказываются.

Можно говорить о том, что этническими в Дагестане частью становятся классификации, производимые из исламской рамки (делящие людей на мусульман, людей книги и язычников), классификации, производимые в российских городах помимо Дагестана, где возникают категории «дагестанец» и «кавказец», а также классификация по нациям-государствам, где дагестанцы оказываются россиянами или русскими. И именно эти классификаторные рамки приходят на смену отживающей свой срок классификации по национальностям, при том, что брачный рынок эта классификация, по всей видимости, никогда толком даже не регулировала.

Но что же светский гуманистический универсализм, идеология, частным вариантом которой является установка на универсализм брачный? Насколько он является возможностью выйти из «колеса сансары», в рамках которого на смену одним этническим классификациям приходят другие? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Существуют исследования, которые апеллируют к эволюционно сложившейся склонности человека классифицировать других людей, и этничность, по этой версии, оказывается всегда «где-то рядом» по причине эволюционно сложившихся характеристик человека как вида (Gil-White, 2001; Cosmides, Tooby & Kurzban, 2003). Существуют и другие работы, в которых несомненную «вездесущность» этничности предлагается связывать не с человеческой природой, а с универсальностью борьбы за ресурсы, в которой этничность оказывается эффективным инструментом исключения (Jenkins 2008). Более того, гуманизм – и в том, что касается брачности, и в целом – это в первую очередь идеологическая рамка, и когда доходит до дела, зачастую оказывается, что людьми руководят не те вещи, которые они декларируют, и универсализм оказывается до боли партикулярным.

Получается, универсализм идеологический не ведет к реальному брачному и – шире – поведенческому универсализму? Как, однако, вписывается очевидная брачная универсализация в Дагестане в более широкие тренды, и каковы эти тренды? Можно ли говорить о том, что человечество движется к «единству» – то есть, говоря на языке приведенной выше модели, категории релевантных классификаций постепенно охватывают все большие совокупности людей, и это движение является линейным? Ответить на этот вопрос также непросто. С одной стороны, с широко понимаемой глобализацией, классификации, призванные описать все человечество, «входят в каждый дом», с другой – локальные контексты, в которых происходит борьба за ресурсы и осуществляются этнические классификации, продолжают быть основным поприщем большинства людей на земле.

Усложняет ситуацию глобальное неравенство, которое как поддерживается, так и атакуется с помощью различных классификаторных инструментов (гражданство, религия), также носящих исключительный характер. Но если

посмотреть на ситуацию в логике *longue durée*, она будет выглядеть таким образом, что универсализация происходит, однако всякий раз сталкивается с новыми – более широкими в части категориального охвата – видами партикуляризма, и именно этими – глобальными – «партикуляризмами» человечество все больше живет. В связи с этим можно обратиться к теориям т. н. глокализации (Robertson, 1995; Bauman, 1998) и сделать вывод, что брачное поведение является частью заложником этого явления, частью – его «топливом».

Так или иначе, исследование – с учетом описанных ограничений метода – показало, что брачный рынок для дагестанцев расширяется; что жители республики от установки «жениться нужно на односельчанах» постепенно переходят к одной из универсалистских рамок – исламской и гуманистической; что национальности в настоящее время практически не регулируют брачный рынок и, скорее всего, никогда всерьез этого не делали. Тем самым статья является частью вкладом в исследования брачных установок в Дагестане, частью – в той мере, в какой в Дагестане происходит переход от одних этнических классификаторных рамок к другим, и браки являются одной из сфер, в которых и за счет которых этот переход происходит – в международные исследования на стыке брачности и этничности, а также этничности непосредственно.

Авторский вклад

Е.А.Варшавер – теоретические идеи, организация экспедиции для сбора данных, разработка методологии, анализ данных, подготовка большинства текстовых фрагментов, общая редакция текста.

Н.С.Иванова – работа с литературой, организация экспедиции для сбора данных, организация транскрибирования интервью, организация анализа данных, подготовка раздела «методология».

Ю.В.Гупалова – участие в сборе данных, работа с литературой, подготовка раздела «исследования брачных нормативности и поведения», анализ данных.

С.В.Кузнецова – участие в сборе данных, работа с литературой, анализ данных.

Благодарности

Авторы статьи благодарны М. Гуцунаеву-Малиновскому, А. Куниной, А. Малиновскому, Д. Похильчуку, А. Ракачевой, А. Орловой, А. Самосудовой, А. Хабибуллину, А. Шульге и А. Шульц за участие в сборе данных, а также Р. С. Абдулмеджидову, Х. Н. Курбанову, И. Х. Курбановой, Р. М. Магомедовой, А. А. Мурзаеву и С. А. Ниналалову за гостеприимство и помощь с организацией сбора данных.

Привлечение студентов к сбору данных стало возможным благодаря программе НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново», а подготовительный этап

прошел в рамках мастерской «Центр полевых исследований» Свободного образовательного проекта «Летняя школа».

Список литературы

- Alba R., & Foner N. (2015). *Strangers no more: Immigration and the challenges of integration in North America and Western Europe*. Princeton University Press.
- Appadurai, A. (1993). Number in the Colonial Imagination. In C. A. Breckenridge & P. van der Veer (Eds.), *Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia* (pp. 314–339). University of Pennsylvania Press. <https://doi.org/10.2458/v1i1.21163>
- Barth, F. (1998). *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference*. Waveland Press.
- Bauman, Z. (1998). On Glocalization: Or globalization for some, localization for some others. *Thesis Eleven*, 54(1), 37–49. <https://doi.org/10.1177/0725513698054000004>
- Bessudnov, A., & Monden, C. (2021). Ethnic intermarriage in Russia: the tale of four cities. *Post-Soviet Affairs*, 37(4), 383–403. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2021.1957345>
- Boyd, R., & Richerson, P. J. (1987). The evolution of ethnic markers. *Cultural Anthropology*, 2(1), 65–79. <https://doi.org/10.1525/can.1987.2.1.02a00070>
- Brubaker, R. (2006). *Ethnicity without groups*. Harvard University Press.
- Brubaker, R., Loveman, M., & Stamatov, P. (2004). Ethnicity as cognition. *Theory and Society*, 33, 31–64. <https://doi.org/10.1023/B:RYSO.0000021405.18890.63>
- Buss, D. M., Shackelford, T. K., Kirkpatrick, L. A., & Larsen, R. J. (2001). A half century of mate preferences: The cultural evolution of values. *Journal of Marriage and Family*, 63(2), 491–503. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2001.00491.x>
- Byrne, D. (1997). An overview (and underview) of research and theory within the attraction paradigm. *Journal of Social and Personal Relationships*, 14(3), 417–431. <https://doi.org/10.1177/0265407597143008>
- Cerroni-Long, E. L. (1985). Marrying out: Socio-cultural and psychological implications of intermarriage. *Journal of Comparative Family Studies*, 16(1), 25–46. <https://doi.org/10.3138/jcfs.16.1.25>
- Chandra, K. (Ed.). (2012). *Constructivist theories of Ethnic Politics*. Oxford University Press.
- Cosmides, L., Tooby, J., & Kurzban, R. (2003). Perceptions of race. *Trends in Cognitive Sciences*, 7(4), 173–179. [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(03\)00057-3](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(03)00057-3)
- Dribe, M., & Lundh, C. (2011). Cultural dissimilarity and intermarriage. A longitudinal study of immigrants in Sweden 1990–2005. *International Migration Review*, 45(2), 297–324. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2011.00849.x>
- Fenton, S. (2010). *Ethnicity. Polity*.
- Furtado, D. (2012). Human capital and interethnic marriage decisions. *Economic Inquiry*, 50(1), 82–93. <https://doi.org/10.1111/j.1465-7295.2010.00345.x>
- Gil-White, F. J. (2001). Are ethnic groups biological “species” to the human brain? Essentialism in our cognition of some social categories. *Current Anthropology*, 42(4), 515–553. <https://doi.org/10.1086/321802>

- Gordon, M. M. (1964). *Assimilation in American life: The role of race, religion, and national origins*. Oxford University Press.
- Gündüz-Hoşgör, A., & Smits, J. (2002). Intermarriage between Turks and Kurds in contemporary Turkey: Inter-ethnic relations in an urbanizing environment. *European Sociological Review*, 18(4), 417–432. <https://doi.org/10.1093/esr/18.4.417>
- Hale, H. E. (2004). Explaining ethnicity. *Comparative political studies*, 37(4), 458–485. <https://doi.org/10.1177/0010414003262906>
- Hall, S. G. (2015). *Dagestan's Consociational Model?: The Potential for Regional Consociationalism in Russia*. European Centre for Minority Issues (ECMI).
- Hannemann, T., Kulu, H., Rahnu, L., Puur, A., Häräguş, M., Obućina, O., González Ferrer, A., Neels, K., van den Berg, L., Pailhé, A., Potarca, G., & Bernardi, L. (2018). Co-ethnic marriage versus intermarriage among immigrants and their descendants: A comparison across seven European countries using event-history analysis. *Demographic Research*, 39, 487–524. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.17>
- Hou, F., & Myles, J. (2013). Interracial marriage and status-caste exchange in Canada and the United States. *Ethnic and Racial Studies*, 36(1), 75–96. <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.634505>
- Jenkins, R. P. (2008). *Rethinking ethnicity*. Sage.
- Kalbach, M. A. (2002). Ethnic Intermarriage in Canada. *Canadian Ethnic Studies*, 34(2), 25–41.
- Kalmijn, M. (1998). Intermarriage and homogamy: Causes, patterns, trends. *Annual review of sociology*, 24(1), 395–421.
- Kalmijn, M. (1998). Intermarriage and Homogamy: Causes, Patterns, Trends. *Annual Review of Sociology*, 24(1), 395–421. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.395>
- Kalmijn, M., & van Tubergen, F. (2006). Ethnic intermarriage in the Netherlands: confirmations and refutations of accepted insights. *European Journal of Population*, 22, 371–397. <https://doi.org/10.1007/s10680-006-9105-3>
- Meng, X., & Gregory, R. G. (2005). Intermarriage and the economic assimilation of immigrants. *Journal of Labor Economics*, 23(1), 135–174. <https://doi.org/10.1086/425436>
- Mitchell, J. C. (1956). *The Kalela Dance: Aspects of social relationships among urban Africans in Northern Rhodesia*. Manchester University Press.
- Monden, C. W. S., & Smits, J. (2005). Ethnic intermarriage in times of social change: The case of Latvia. *Demography*, 42(2), 323–345. <https://doi.org/10.1353/dem.2005.0015>
- Nave, A. (2000). Marriage and the maintenance of ethnic group boundaries: The case of Mauritius. *Ethnic and Racial Studies*, 23(2), 329–352. <https://doi.org/10.1080/014198700329079>
- Qian, Z., & Lichter, D. T. (2011). Changing patterns of interracial marriage in a multiracial society. *Journal of Marriage and Family*, 73(5), 1065–1084. <https://doi.org/10.2307/41329648>
- Robertson, R. (1995). Glocalization: Time-space and homogeneity-heterogeneity. *Global Modernities*, 2(1), 25–44.
- Rosenfeld, M. J. (2008). Racial, educational and religious endogamy in the United States: A comparative historical perspective. *Social Forces*, 87(1), 1–31. <https://doi.org/10.1353/sof.0.0077>
- Schwartz, C. R. (2013). Trends and variation in assortative mating: Causes and consequences. *Annual Review of Sociology*, 39, 451–470. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071312-145544>

- Simon, P., Piché, V., & Gagnon, A. A. (2015). *Social statistics and ethnic diversity: Cross-national perspectives in classifications and identity politics*. Springer Nature.
- Smith, J. A., McPherson, M., & Smith-Lovin, L. (2014). Social distance in the United States: Sex, race, religion, age, and education homophily among confidants, 1985 to 2004. *American Sociological Review*, 79(3), 432–456. <https://doi.org/10.1177/0003122414531776>
- Ware, R. B., & Kisriev, E. (2001). Ethnic parity and democratic pluralism in Dagestan: A consociational approach. *Europe-Asia Studies*, 53(1), 105–131. <https://doi.org/10.1080/09668130124419>
- Wimmer, A. (2009). Herder's heritage and the boundary-making approach: Studying ethnicity in immigrant societies. *Sociological Theory*, 27(3), 244–270. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2009.01347.x>
- Wimmer, A. (2013). *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford: Oxford University Press.
- Zang, X. (2007). *Ethnicity and urban life in China: A comparative study of Hui Muslims and Han Chinese*. Routledge.
- Абдинова, А. Г. (2010). Реликты домонотеистических верований в семейной обрядности народов Дагестана (XIX–начало XX в.). [Автореферат диссертации кандидата исторических наук]. Махачкала.
- Агларов, М. А. (1986). Сельская община как эндогамный круг. Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – нач. XX в., 74–81.
- Агларов, М. А. (1988). *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII–начале XIX в.* Наука-Дагестан.
- Адзиев, Х. Г., & Гасанов, Н. Н. (2010). Межэтнические отношения в Дагестане. *Свободная мысль*, 1(1608), 21–30.
- Айгунов, В. Р., & Айгумова, З. И. (2008). Выбор брачного партнера: русская и дагестанская молодежь. *Развитие личности*, (2), 103–120.
- Алигаджиева, З. А. (2014). Брачный возраст аварцев в традиционной и современной свадебной обрядности. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, (12–1), 13–15.
- Алигаджиева, З. А. (2015). Условия и формы заключения брака у аварцев. Интернет-портал «Общекавказская Общественно Политическая Газета “Кавказъ Плюс”». <https://kavkazplus.com/news.php?id=91>
- Алимова, Б. М. (1989). *Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: Равнинный Дагестан*. Дагестанское книжное издательство.
- Амирханова, А. К. (2017). Брачные инициативы современной городской молодежи Дагестана. *История, археология и этнография Кавказа*, 4(52), 109–114.
- Арутюнов С. А., Османов А. И., Сергеева Г. А. (ред.). (2002). *Народы Дагестана (Народы и Культуры (Серия))*. Наука.
- Асанова, Э. С. (2008). Межэтническое взаимодействие в условиях национально-смешанных семей. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия I: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, (8), 224–228.

- Варшавер, Е. А. (2022a). «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности. *Социологическое обозрение*, 21(3), 31–58. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2022-3-31-58>
- Варшавер, Е. А. (2022b). В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4(170), 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>
- Варшавер, Е. А., Хабибуллин, А. М., Самосудова, А. Д., & Шульц, А. В. (2024). «По отцу» или «по обоим родителям»? Вариации децентного классификаторного правила, используемого при определении членства в этнических категориях в современном Дагестане. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (6) (в печати).
- Верещагина, А. В. (2003). *Этнически смешанные семьи на Северном Кавказе: образование и межэтническая адаптация* [Автореферат диссертации кандидата социологических наук]. Ростов-на-Дону.
- Верещагина, А. В. (2013). Традиции этнодемографического поведения семьи и межэтнической брачности у народов Северного Кавказа. *Социально-гуманитарные знания*, (11), 7–15.
- Верещагина, А. В., & Шахбанова, М. М. (2013). Этнокультурная специфика демографического поведения дагестанской семьи. *Социологические исследования*, 6(350), 78–85.
- Гаджиева, С. Ш. (1985a). Современная семья в Дагестане: Традиции и инновации. *Всероссийская научная конференция «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества»*. АН СССР.
- Гаджиева, С. Ш. (1985b). *Семья и брак у народов Дагестана в XIX–начале XX в.* Наука.
- Гуцунаев, М., Дроздова, А., Кожаринова, Е., Кунина, А., Малиновский, А., Назаров, А., Ракачева, А., & Степанова, Д. (2022). По следам этнического разнообразия в современном Дагестане. В Е. А. Варшавер (ред.). *Сборник статей по результатам студенческой экспедиции*. Издательский дом НИУ ВШЭ. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2666-8>
- Евстигнеев, Ю. А. (1971). Национально-смешанные браки в Махачкале. *Советская этнография*, (4), 80–85.
- Загирова, Э. М. (2022). Многоженство в семейно-брачной сфере народов Дагестана: историко-социологический анализ. *Caucasian Science Bridge*, 1(15), 32–40.
- Загирова, Э. М., Нурилова, А. З., & Акимова, А. А. (2017). Межэтнические браки: оценки и установки в массовом сознании дагестанских народов. *Успехи современной науки*, 7(1), 39–43.
- Зейтунян, М. А. (2006). *Межэтнический брак в системе социально-ценностных взаимодействий студенческой молодежи Республики Адыгеи* [Автореферат диссертации кандидата социологических наук]. Майкоп.
- Караев, И. (2012). Национально-смешанная семья как фактор межэтнического согласия. *Социально-гуманитарные знания*, (3), 175–183.
- Керимов, Р. (2018, май 9). Названы основные причины разводов в Дагестане. Интернет-портал «РИА Дагестан». https://riadagestan.ru/news/society/nazvany_osnovnyye_prichiny_razvodov_v_dagestane/
- Лурье, С. В. (2018). Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии. *Петербургская социология сегодня*, (10), 122–148. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077>

- Магомедова, Р. М., Рамазанова, Б. Ш., Гусеинова, И. С., & Нахибашиев, З. М. (2021). Развитие института тухума у народов Западного Дагестана в XIX веке. *Образование и право*, (8), 378–383. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-8-378-383>
- Муртузалиев, С. И. (2019). Отношение дагестанских студентов к проблемам семьи и брака. В *Семья в современном мире: XI социологические чтения памяти В. Б. Голофаста: материалы Всероссийской научной конференции* (с. 219–231). Реноме.
- Национальная политика. (2023). Официальный сайт Министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан (Миннац РД). <http://minnacrd.ru/natsionalnaya-politika>
- Олоблин, Е. (2022, апрель 5). Член регионального отделения Общероссийского общественного движения «Молодежная Ассамблея народов России «МЫ-Россияне»» в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре Пахрутдин Такаев принял участие в окружном проекте «Друзья». Интернет-портал «Молодежная Ассамблея народов России «МЫ-РОССИЯНЕ»». <http://my-rossiyane.ru/news/chlen-regionalnogo-otdeleniya-obshcherossiyskogo-obshchestvennogo-dvizheniya-molodezhnaya>
- Рагимова, Б. (1998). Особенности брачного выбора в современном дагестанском городе. *Iran & the Caucasus*, (2), 103–107.
- Сигарева, Е. П., & Сивоплясова, С. Ю. (2018). Семейно-брачные отношения в Дагестане и Карачаево-Черкессии. В *Семья и Семейные ценности в современном мире: материалы Всероссийского очно-заочного научно-практического семинара, посвященного Году семьи в Республике Башкортостан и Году волонтера в Российской Федерации (кафедра этики, культурологии и связей с общественностью факультета философии и социологии Башкирского государственного университета, г. Уфа, 27 апреля 2018 г.)* (с. 30–36). РИЦ БашГУ.
- Слезкин, Ю. (2001). СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность. В *Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период*. Самарский университет.
- Хачатрян, Л. А., & Чадова, А. А. (2016). Межнациональная семья в современном российском обществе. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, (1), 127–135. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-1-127-135>
- Хашаев, Х.-М. О. (2007). *Законы вольных обществ XVII–XIX вв.* ИД «Эпоха».
- Хирш, Ф. (2022). *Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза* (Р. Ибатуллина, Пер.). Новое Литературное Обозрение.
- Шахбанова, М. М. (2008). Отношение к межэтническим бракам в этническом сознании дагестанцев. *Социологические исследования*, 11(295), 72–76.
- Шахбанова, М. М. (2011). Межнациональное общение андо-цезской группы (по результатам социологического исследования). *История, археология и этнография Кавказа*, (26), 110–121.
- Шахбанова, М. М. (2013). Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях. *Социологические исследования*, 10(354), 88–97.
- Эльмурзаева, А. Д. (2012). О некоторых семейно-брачных особенностях отношений в Дагестане (XIX – начало XX в.). *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, (3), 53–57.

References

- Abdinova, A. G. (2010). *Relikty domonoteisticheskikh verovanij v semejnoj obrjadnosti narodov Dagestana (XIX–nachalo XX v.)*. [PhD Thesis]. Makhachkala. (In Russian).
- Adziev, Kh. G., & Gasanov, N. N. (2010). Mezhetnicheskie otnosheniya v Dagestane. *Svobodnaya mysl'*, 1(1608), 21–30. (In Russian).
- Aglarov, M. A. (1986). Sel'skaya obshchina kak endogamnyy krug. *Brak i svadebnye obychai u narodov Dagestana v XIX – nach. XX v.*, 74–81. (In Russian).
- Aglarov, M. A. (1988). *Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII–nachale XIX v.* Nauka-Dagestan.
- Alba R., & Foner N. (2015). *Strangers no more: Immigration and the challenges of integration in North America and Western Europe*. Princeton University Press.
- Aligadzhieva, Z. A. (2014). Brachnyy vozrast avartsev v traditsionnoy i sovremennoy svadebnoy obryadnosti. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, (12–1), 13–15. (In Russian).
- Aligadzhieva, Z. A. (2015). *Usloviya i formy zaklyucheniya braka u avartsev*. Internet-portal «Obshchekavkazskaya Obshchestvenno Politicheskaya Gazeta “Kavkaz” Plyuz». <https://kavkazplus.com/news.php?id=91> (In Russian).
- Alimova, B. M. (1989). *Brak i svadebnye obychai v proshlom i nastoyashchem: Ravninnyy Dagestan*. Dagestankoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Amirkhanova, A. K. (2017). Marriage Initiatives of Modern Urban Youth of Dagestan. *Istoriya, arkhologiya i etnografiya Kavkaza*, 4(52), 109–114. (In Russian).
- Appadurai, A. (1993). Number in the Colonial Imagination. In C. A. Breckenridge & P. van der Veer (Eds.), *Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia* (pp. 314–339). University of Pennsylvania Press. <https://doi.org/10.2458/v1i1.21163>
- Arutyunov S. A., Osmanov A. I., Sergeeva G. A. (Ed.). (2002). *Narody Dagestana (Narody i Kul'tury (Seriya))*. Nauka. (In Russian).
- Asanova, E. S. (2008). Mezhetnicheskoe vzaimodeystvie v usloviyakh natsional'no-smeshannykh semey. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filozofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, (8), 224–228. (In Russian).
- Aygunov, V. R., & Aygumova, Z. I. (2008). Vybor brachnogo partnera: russkaya i dagestanskaya molodezh'. *Razvitie lichnosti*, (2), 103–120. (In Russian).
- Barth, F. (1998). *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference*. Waveland Press.
- Bauman, Z. (1998). On Glocalization: Or globalization for some, localization for some others. *Thesis Eleven*, 54(1), 37–49. <https://doi.org/10.1177/0725513698054000004>
- Bessudnov, A., & Monden, C. (2021). Ethnic intermarriage in Russia: the tale of four cities. *Post-Soviet Affairs*, 37(4), 383–403. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2021.1957345>
- Boyd, R., & Richerson, P. J. (1987). The evolution of ethnic markers. *Cultural Anthropology*, 2(1), 65–79. <https://doi.org/10.1525/can.1987.2.1.02a00070>
- Brubaker, R. (2006). *Ethnicity without groups*. Harvard University Press.

- Brubaker, R., Loveman, M., & Stamatov, P. (2004). Ethnicity as cognition. *Theory and Society*, 33, 31–64. <https://doi.org/10.1023/B:RYSO.0000021405.18890.63>
- Buss, D. M., Shackelford, T. K., Kirkpatrick, L. A., & Larsen, R. J. (2001). A half century of mate preferences: The cultural evolution of values. *Journal of Marriage and Family*, 63(2), 491–503. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2001.00491.x>
- Byrne, D. (1997). An overview (and underview) of research and theory within the attraction paradigm. *Journal of Social and Personal Relationships*, 14(3), 417–431. <https://doi.org/10.1177/0265407597143008>
- Cerroni-Long, E. L. (1985). Marrying out: Socio-cultural and psychological implications of intermarriage. *Journal of Comparative Family Studies*, 16(1), 25–46. <https://doi.org/10.3138/jcfs.16.1.25>
- Chandra, K. (Ed.). (2012). *Constructivist theories of Ethnic Politics*. Oxford University Press.
- Cosmides, L., Tooby, J., & Kurzban, R. (2003). Perceptions of race. *Trends in Cognitive Sciences*, 7(4), 173–179. [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(03\)00057-3](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(03)00057-3)
- Dribe, M., & Lundh, C. (2011). Cultural dissimilarity and intermarriage. A longitudinal study of immigrants in Sweden 1990–2005. *International Migration Review*, 45(2), 297–324. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2011.00849.x>
- Elmurzayeva, A. D. (2012). On Some Family and Marriage Features of the Relations in Dagestan (the 19th – the beginning of the 20th century). *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"*, (3), 53–57. (In Russian).
- Evstigneev, Yu. A. (1971). Natsional'no-smeshannye braki v Makhachkale. *Sovetskaya etnografiya*, (4), 80–85. (In Russian).
- Fenton, S. (2010). *Ethnicity. Polity*.
- Furtado, D. (2012). Human capital and interethnic marriage decisions. *Economic Inquiry*, 50(1), 82–93. <https://doi.org/10.1111/j.1465-7295.2010.00345.x>
- Gadzhieva, S. Sh. (1985a). Sovremennaya sem'ya v Dagestane: Traditsii i innovatsii. *Vsesoyuznaya nauchnaya konferentsiya «Sem'ya u narodov SSSR v usloviyakh razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva»*. AN SSSR. (In Russian).
- Gadzhieva, S. Sh. (1985b). *Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX–nachale XX v*. Nauka. (In Russian).
- Gil-White, F. J. (2001). Are ethnic groups biological “species” to the human brain? Essentialism in our cognition of some social categories. *Current Anthropology*, 42(4), 515–553. <https://doi.org/10.1086/321802>
- Gordon, M. M. (1964). *Assimilation in American life: The role of race, religion, and national origins*. Oxford University Press.
- Gündüz-Hoşgör, A., & Smits, J. (2002). Intermarriage between Turks and Kurds in contemporary Turkey: Inter-ethnic relations in an urbanizing environment. *European Sociological Review*, 18(4), 417–432. <https://doi.org/10.1093/esr/18.4.417>
- Gutsunaev, M., Drozdova, A., Kozharinova, E., Kunina, A., Malinovskiy, A., Nazarov, A., Rakacheva, A., & Stepanova, D. (2022). Po sledam etnicheskogo raznoobraziya v sovremennom Dagestane. In E. A. Varshaver (Ed.). *Sbornik statey po rezul'tatam studencheskoy ekspeditsii*. Izdatel'skiy dom NIU VShE. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2666-8> (In Russian).

- Hachatryan, L. A., & Chadova, A. A. (2016). Multiethnic Family in Modern Russian Society. *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»*, (1), 127–135. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-1-127-135> (In Russian).
- Hale, H. E. (2004). Explaining ethnicity. *Comparative political studies*, 37(4), 458–485. <https://doi.org/10.1177/0010414003262906>
- Hall, S. G. (2015). *Dagestan's Consociational Model?: The Potential for Regional Consociationalism in Russia*. European Centre for Minority Issues (ECMI).
- Hannemann, T., Kulu, H., Rahn, L., Puur, A., Hărăguș, M., Obućina, O., González Ferrer, A., Neels, K., van den Berg, L., Pailhé, A., Potarca, G., & Bernardi, L. (2018). Co-ethnic marriage versus intermarriage among immigrants and their descendants: A comparison across seven European countries using event–history analysis. *Demographic Research*, 39, 487–524. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.17>
- Hou, F., & Myles, J. (2013). Interracial marriage and status-caste exchange in Canada and the United States. *Ethnic and Racial Studies*, 36(1), 75–96. <https://doi.org/10.1080/01419870.2011.634505>
- Jenkins, R. P. (2008). *Rethinking ethnicity*. Sage.
- Kalbach, M. A. (2002). Ethnic Intermarriage in Canada. *Canadian Ethnic Studies*, 34(2), 25–41.
- Kalmijn, M. (1998). Intermarriage and homogamy: Causes, patterns, trends. *Annual review of sociology*, 24(1), 395–421.
- Kalmijn, M. (1998). Intermarriage and Homogamy: Causes, Patterns, Trends. *Annual Review of Sociology*, 24(1), 395–421. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.395>
- Kalmijn, M., & van Tubergen, F. (2006). Ethnic intermarriage in the Netherlands: confirmations and refutations of accepted insights. *European Journal of Population*, 22, 371–397. <https://doi.org/10.1007/s10680-006-9105-3>
- Karaev, I. (2012). Natsional'no-smeshannaya sem'ya kak faktor mezhetnicheskogo soglasiya. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, (3), 175–183. (In Russian).
- Kerimov, R. (2018, May 9). *Nazvany osnovnye prichiny razvodov v Dagestane*. Internet-portal «RIA Dagestan». https://riadagestan.ru/news/society/nazvany_osnovnye_prichiny_razvodov_v_dagestane/ (In Russian).
- Khashaev, Kh.–M. O. (2007). *Zakony vol'nykh obshchestv XVII–XIX vv. ID «Epokha»*. (In Russian).
- Khirsch, F. (2022). *Imperiya natsiy: Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuza* (R. Ibatullina, Trans.). *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. (In Russian).
- Lurie, S. V. (2018). Interethnic Marriages in the Contemporary Russian National Script. *St. Petersburg Sociology Today*, (10), 122–148. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077> (In Russian).
- Magomedova, R. M., Ramazanova, B. Sh., Guseinova, I. S., & Nakhibashiev, Z. M. (2021). Development of the Tukhum Institute among the Peoples of Western Dagestan in the XIX Century. *Education and Law*, (8), 378–383. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-8-378-383> (In Russian).
- Meng, X., & Gregory, R. G. (2005). Intermarriage and the economic assimilation of immigrants. *Journal of Labor Economics*, 23(1), 135–174. <https://doi.org/10.1086/425436>

- Mitchell, J. C. (1956). *The Kalela Dance: Aspects of social relationships among urban Africans in Northern Rhodesia*. Manchester University Press.
- Monden, C. W. S., & Smits, J. (2005). Ethnic intermarriage in times of social change: The case of Latvia. *Demography*, 42(2), 323–345. <https://doi.org/10.1353/dem.2005.0015>
- Murtuzaliev, S. I. (2019). Otnoshenie dagestanskikh studentov k problemam sem'i i braka. In *Sem'ya v sovremennom mire: XI sotsiologicheskie chteniya pamyati V. B. Golofasta: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* (pp. 219–231). Renome. (In Russian).
- Natsional'naya politika. (2023). Ofitsial'nyy sayt Ministerstva po natsional'noy politike i delam religiy Respubliki Dagestan (Minnats RD). <http://minnacrd.ru/natsionalnaya-politika> (In Russian).
- Nave, A. (2000). Marriage and the maintenance of ethnic group boundaries: The case of Mauritius. *Ethnic and Racial Studies*, 23(2), 329–352. <https://doi.org/10.1080/014198700329079>
- Oblin, E. (2022, April 5). Chlen regional'nogo otdeleniya Obshcherossiyskogo obshchestvennogo dvizheniya «Molodezhnaya Assambleya narodov Rossii «MY-Rossiyane»» v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre Pakhrutdin Takaev prinyal uchastie v okruzhnom proekte «Druz'ya». Internet-portal «Molodezhnaya Assambleya narodov Rossii “MY-ROSSIYaNE”». <http://my-rossiyane.ru/news/chlen-regionalnogo-otdeleniya-obshcherossiyskogo-obshchestvennogo-dvizheniya-molodezhnaya> (In Russian).
- Qian, Z., & Lichter, D. T. (2011). Changing patterns of interracial marriage in a multiracial society. *Journal of Marriage and Family*, 73(5), 1065–1084. <https://doi.org/10.2307/41329648>
- Ragimova, B. (1998). Osobennosti brachnogo vybora v sovremennom dagestanskom gorode. *Iran & the Caucasus*, (2), 103–107. (In Russian).
- Robertson, R. (1995). Glocalization: Time-space and homogeneity-heterogeneity. *Global Modernities*, 2(1), 25–44.
- Rosenfeld, M. J. (2008). Racial, educational and religious endogamy in the United States: A comparative historical perspective. *Social Forces*, 87(1), 1–31. <https://doi.org/10.1353/sof.0.0077>
- Schwartz, C. R. (2013). Trends and variation in assortative mating: Causes and consequences. *Annual Review of Sociology*, 39, 451–470. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071312-145544>
- Shakhbanova, M. M. (2008). Attitudes to Cross-National Marriage in Ethnic Consciousness of Dagestan Inhabitants. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 11(295), 72–76. (In Russian).
- Shakhbanova, M. M. (2011). Mezhnatsional'noe obshchenie ando-tsezskoy gruppy (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya). *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza*, (26), 110–121. (In Russian).
- Shakhbanova, M. M. (2013). Ethnic Identity of Numerically Small Dagestan Peoples Under Contemporary Conditions. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 10(354), 88–97. (In Russian).
- Sigareva, E. P., & Sivoplyasova, C. Yu. (2018). Semeyno-brachnye otnosheniya v Dagestane i Karachaevo-Cherkessii. In *Sem'ya i Semeynye tsennosti v sovremennom mire: materialy Vserossiyskogo ochno-zaochnogo nauchno-prakticheskogo seminara, posvyashchennogo Godu sem'i v Respublike Bashkortostan i Godu volontera v Rossiyskoy Federatsii (kafedra etiki, kul'turologii i svyazey s obshchestvennost'yu fakul'teta filosofii i sotsiologii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, g. Ufa, 27 aprelya 2018 g.)* (pp. 30–36). RITs BashGU.
- Simon, P., Piché, V., & Gagnon, A. A. (2015). *Social statistics and ethnic diversity: Cross-national perspectives in classifications and identity politics*. Springer Nature.

- Slezkin, Yu. (2001). SSSR kak kommunal'naya kvartira, ili Kakim obrazom sotsialisticheskoe gosudarstvo pooshchryalo etnicheskuyu obosoblennost'. In *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiy period*. Samarskiy universitet. (In Russian).
- Smith, J. A., McPherson, M., & Smith-Lovin, L. (2014). Social distance in the United States: Sex, race, religion, age, and education homophily among confidants, 1985 to 2004. *American Sociological Review*, 79(3), 432–456. <https://doi.org/10.1177/0003122414531776>
- Varshaver, E. A. (2022a). “Stop Beating the Dead Primordial Horse”: Actual Agendas in the Constructivist Research of Ethnicity. *The Russian Sociological Review*, 21(3), 31–58. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2022-3-31-58> (In Russian).
- Varshaver, E. A. (2022b). Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)-Production of Ethnicity in Interactions between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations during 2021 All-Russian Census in Dagestan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4(170), 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150> (In Russian).
- Varshaver, E. A., Khabibullin, A. M., Samosudova, A. D., & Shul'ts, A. V. (2024). “By father” or “by both parents”? Variations of the decent classification rule used in determining membership in ethnic categories in modern Dagestan. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, (6) (In Print). (In Russian).
- Vereschagina, A. V. (2013). Traditions of Ethno-Demographic Behavior of a Family And Interethnic Matrimony of the North Caucasus People. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, (11), 7–15. (In Russian).
- Vereschagina, A. V., & Shakhbanova, M. M. (2013). Ethnic Cultural Specifics of Demographic Behavior in Dagestan Family. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 6(350), 78–85. (In Russian).
- Vereshchagina, A. V. (2003). *Etnicheski smeshannye sem'i na Severnom Kavkaze: obrazovanie i mezhethnicheskaya adaptatsiya* [PhD Thesis]. Rostov-na-Donu. (In Russian).
- Ware, R. B., & Kisriev, E. (2001). Ethnic parity and democratic pluralism in Dagestan: A consociational approach. *Europe-Asia Studies*, 53(1), 105–131. <https://doi.org/10.1080/09668130124419>
- Wimmer, A. (2009). Herder's heritage and the boundary-making approach: Studying ethnicity in immigrant societies. *Sociological Theory*, 27(3), 244–270. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2009.01347.x>
- Wimmer, A. (2013). *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford: Oxford University Press.
- Zagirova, E. M. (2022). Polygamy in family and marriage sphere of the peoples of Dagestan: historical and sociological analysis. *Caucasian Science Bridge*, 1(15), 32–40. (In Russian).
- Zagirova, E. M., Nurilova, A. Z., & Akimova, A. A. (2017). Mezhetnicheskie braki: otsenki i ustanovki v massovom soznanii dagestanskikh narodov. *Uspekhi sovremennoy nauki*, 7(1), 39–43. (In Russian).
- Zang, X. (2007). *Ethnicity and urban life in China: A comparative study of Hui Muslims and Han Chinese*. Routledge.
- Zeytunyan, M. A. (2006). *Mezhetnicheskiy brak v sisteme sotsial'no-tsennostnykh vzaimodeystviy studencheskoy molodezhi Respubliki Adygei* [PhD Thesis]. Maykop. (In Russian).